

Три года назад на сцену вышел невысокий человек лет тридцати - трогательный и немного картавый очкарик. Он вышел, и сообщил, что расскажет о человеке, которого уже нет. Молодой человек мял в руках морскую бескозырку, с трудом подыскивал слова и растерянно разводил руками: «он был, раньше, а теперь его не стало, но этого, кроме меня, никто не заметил... В смысле - для всех, кто меня знает, - это был я, но на самом деле тот «я» который сейчас это рассказывает, - это другой человек, а того уже нет... Короче, мне пришлось служить на Тихоокеанском флоте...» Человека звали **Евгений Гришковец**, и его монолог назывался «**Как я съел собаку**». Он вспоминал свои детские ощущения и недетские тоже, искал для них определения, а находил фантастически точные образы. Его лирическая исповедь была настолько искренней, что всякий слышал в его словах обращение к самому себе. К финалу все двести зрителей были совершенно влюблены в Гришкова. В то время Гришковец прощался с **Кемерово**, где он родился, вырос, закончил филфак и создал студенческий театр «**Ложа**». Прощался и перебирался в чужой прибалтийский **Калининград** - поэтому отчаянье в этом спектакле было таким же настоящим, как и его живая память. На следующий год он приехал в **Москву** уже из Калининграда, чтобы сыграть свой второй монолог - «**Одновременно**». С тех пор началась повальная мода на Гришкова. К тому моменту, когда он появился, выросла пропасть между тем, что говорил театр, и тем, что чувствовали нормальные люди. Гришковец, говоря со сцены о том, что чувствуют нормальные люди, заново научил театр говорить на человеческом языке. «**Человек, которого нет**» предложил сначала Москве, а потом и всей стране такой театр, которого еще не было. С тех пор Гришковцу вручили две премии «**Золотая маска**», он написал несколько пьес, за них получил «**Антибукер**», была еще премия «**Триумф**», аншлаги на международных фестивалях, постановки его пьес в стране и за рубежом. В прошлом году он сыграл еще один монолог - «**Дредноуты**», а в спектакле «**Планета**» на сцену вместе с ним вышла актриса. На его спектакли в Москве сегодня невозможно купить билеты, и перекупщики продают их за бешеные деньги.

В каком деле съел собаку Евгений Гришковец?

Несколько метров каната, железный стул, оцинкованное ведро - вот и все декорации. А в глубине сцены сидит человек, просто сидит и смотрит в зрительный зал. Этого человека зовут **ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ**. Человек-театр - так называют его критики.

Драматург, режиссер и актер, он привез в Старый Оскол свой спектакль «**КАК Я СЪЕЛ СОБАКУ**». В 2000 году эта работа получила сразу две «**ЗОЛОТЫЕ МАСКИ**» - «**НОВАЦИЯ**» и «**ПРИЗ КРИТИКИ**». Тем, кто пришел в Старооскольский театр для детей и молодежи выпал предпоследний шанс посмотреть этот удивительный спектакль - в феврале Евгений Гришковец снимает его со своего репертуара.

Казалось бы - ни особого сюжета, ни смены костюмов и декораций, да и артистов - всего лишь он один. Однако почти два часа Евгений удерживал внимание перереполненного зрительного зала - люди смеялись и замирали, вздыхали и плакали. Простые слова и поступки, обыкновенные желания и мысли, привычные жесты и вещи - жизнь героя, похожая на тысячи тысяч других жизней. Поэтому зрители и реагировали так остро - они узнавали в персонаже себя. («*Одел шапку, пальто, взял портфель и сменку... Поставил и стал одевать ботинки*») Постоянным возвращением в прошлое, в детство Евгений Гришковец подчеркивает драму выпадения человека из мира иллюзий. Из той жизни, где все его любили и было так много интересного - редкие мультки, дешевое мороженное, игра с ребятами во дворе, родительская любовь, бабушкины блинчики... В одночасье вырванный из этого мира армией герой оказывается в системе других отношений и вещей. Порой они кажутся ему бессмысленными... Вернее, наполненными смыслом, но который надо понять как-то по-особому... («*Вообще на флоте все предметы имеют предназначение и смысл - посуда, для того, чтобы есть? нет, чтобы мыть долго и быстро, палуба - для того, чтобы мыть, а для чего, для чистоты? - только для смысла!*»)

Название спектакля «Как я съел собаку» - не только эпизод в биографии героя, но и символ познания жизни, ее реалий, ее нелепой жестокости и равнодушия. Ничего нельзя изменить, вернуть, исправить, но герой продолжает жить. Он не впал в уныние, его душа осталась теплой, он говорит о своем прошлом с лукавой иронией, и любит его, поскольку другого прошлого у него нет и не будет. Герой понял, как же это здорово - просто жить и радоваться каждой минутке. И зрители с ним согласились.

Светлана ГРИЩУК

«Все было здорово. Но либо разведка оплошала, либо телеграмма не дошла, либо забыли предупредить, и крейсер, без сопровождения, попал в туман.... А там - западня, в смысле вражеская эскадра. Кругом враги. А мы против всех. Всегда! Одни. В западне! Против всех! Ёс..ё..ёлки..и! И тогда уже..., кроме шуток. Тогда уже.... Если кругом враги.... Тогда - ооо..о..о..! Тогда - огонь из всех орудий и наши комендоры - самые лучшие. И во всех казематах, у каждого орудия, истекая кровью и потом, быстро и точно, среди всего этого ада - они...! И вот уже один вражеский эсминец пошел ко дну, один крейсер уходит из боя, кренясь и горя, еще два корабля сильно потрепаны, а мы еще бьем из трех пушек. Кругом все красно, все красно, и ночь уже отступает, и вот-вот рассвет. Вот уже.... Но кончились снаряды. Командир белоснежным платком протирает внутреннюю часть фуражки, надевает на забинтованное плечо белый китель в крестах и звездах, записывает последнюю запись в журнал.

- Ну что, Сережа? - спрашивает он штурмана.
- Предлагают сдаться, их флагман горит, но они подняли флаги...
- Хорошо дрались матросики, мои матросы...
- говорит капитан. - Все, Сережа,....да...
- Понятно, Алексей Дмитриевич, все были готовы, все надели «первый срок»...

А на искореженной палубе стояли, сидели, лежали, кто-то, шатаясь, шел....

А как умели умирать русские моряки! Вот, сидят на палубе, один уже умер, а второй умирает... И курит... И тот, который курит, говорит тому, который умер: «Слыш, Вася... Как-то самолёты сегодня низко разлетались...»

Русские моряки - герои... настоящие. Настоящие. Они курили или умирали от ран, а молоденький мичман и пара усатых старшин шли открывать кингстоны. А командир стоял на мостике...! И всходило солнце... над дымами, над Андреевским флагом. А в это время на английском (или немецком, да хоть на японском) флагмане команда тушила пожар, суетилась.... А адмирал спрашивал какого-нибудь офицера:

- Ну что там русские? Молчат?
- Молчат, сэр. У них, видимо, закончился боезапас.

- Да..а..а.... Как они дрались а...?! Как дрались! Мне бы таких моряков. Вы приготовьте все, приготовьте каюту для русского капитана. Надо принять всех на борт, я хочу посмотреть на этих моряков.

- Простите, сэр, но..... они утонули.
- То есть как? Вы сигнализировали им, что мы...
- Да, сэр.... но они..., мы видели их - все в парадной форме..., видимо, открыли кингстоны...
- Утонули, что ли? Все?
- Все, сэр.
- Стоп! А какой смысл? Бой же уже закончился.

- Утонули, сэр, только бескозырки на воде.
- Не понял.... Я не понял. Смысла-то нет.... Ну надо же! Ну... вы... там... отсалютуйте. Все-таки классные моряки были.... Зачем? Стреляйте из пушки... в честь.... Непонятно.

И задумался адмирал на две недели....»

Из текста Евгения Гришкова
«Как я съел собаку»

